

Фань Цин чувствовал кончиком языка, словно кистью, щедро напитанной влагой. Дрожа, он коснулся верхней губы Хао Су, затем перешел на нижнюю. Он обводил контур губ, снова и снова, затаив дыхание, которое вот-вот готово было вырваться наружу. Движения Фань Цина были невесомыми, лишь изредка слышалось легкое влажное причмокивание. Каждый раз, когда это случалось, он замирал, словно пытаясь скрыть содеянное, и на мгновение застывал, не смея пошевелиться, прежде чем вновь продолжить свою робкую пробу.

Освоившись с краями губ и заметив, что Хао Су по-прежнему пребывает в беспамятстве, он осмелел. Его внимание переместилось к центру. Он пробовал касаться его снова и снова, но едва ощутив ответное тепло, тут же отстранялся, словно испуганный зверек. Его губы дрожали, прижимаясь к губам Хао Су, заставляя и их едва заметно подрагивать. Снова попытка, снова испуг — но Фань Цин не мог остановиться.

Его рука медленно легла на шею Хао Су. Ладонь была обжигающе горячей, и, едва коснувшись кожи, он поспешно убрал ее, издав при этом едва слышный звук в глубине горла. Такая близость была для Фань Цина пределом выносимого. Он не сводил глаз с лица Хао Су. Из-за чрезмерного самоконтроля и нахлынувшего возбуждения его прямая спина утратила былую строгость, а рука, опиравшаяся на резную спинку кровати, теперь сжимала прядь волос, упавшую на плечо Хао Су.

Хао Су отчетливо чувствовал каждое движение Фань Цина. Бессмертный господин был чист и невинен, словно Mimosa, и даже от простых поцелуев его плечи невольно сжимались.

— М-м... — губы Фань Цина, раскрасневшиеся от долгого трения, приобрели болезненно-яркий оттенок. Внезапно он коснулся уголков губ Хао Су. В этот миг разум окончательно покинул его. Поддавшись внезапной дерзости, он пустил в ход язык, переходя в наступление — прежние намерения были забыты.

Подобные неожиданные повороты лишь усиливали внутреннее напряжение. Фань Цин вновь приложил руку к шее Хао Су. Его ладонь пылала, и, чувствуя пульсацию артерии, он едва сдерживался, чтобы не сжать ее сильнее. Это был жест собственника. Фань Цин никогда прежде не испытывал желания владеть чем-либо. Для адепта пути самосовершенствования не было ничего важнее достижения праведного пути, остальное — лишь суета, способная помутить ясность духа. Когда он только пришел в секту Фэйхэн, на первом же уроке наставник предупредил их об этом, и Фань Цин всегда следовал этому правилу.

Однако человек порой начинает владеть чем-то, даже не осознавая того. Статус Фань Цина давал ему абсолютное право голоса и принятия решений в секте. Взять хотя бы эту поездку на гору Вэйи — если возникали вопросы, требовавшие решения, последнее слово всегда оставалось за ним. Но никогда прежде он не чувствовал такой острой, жадной потребности обладать чем-то, как сейчас.

В комнате разлился густой, одурманивающий аромат. Фань Цин был в здравом уме, Хао Су спал. Целовать его в таком состоянии — это была подлая, низкая интрига, о которой знал лишь он сам. Тот, кто должен был оставаться безупречным небожителем, катился в бездну бесконечных желаний, становясь донельзя порочным. Фань Цин презирал себя, но его чувства

раз за разом вспыхивали с новой силой. Он не знал, что человек на кровати был в полном сознании, принимая все его слабости и даже позволяя зайти еще дальше.

Язык Хао Су был легко подцеплен кончиком языка Фань Цина, который, словно смакуя его губы, медленно исследовал их. Кончик носа Фань Цина упирался в щеку Хао Су, окутывая его своим теплом. Казалось, Фань Цину было мало этого, и он прижался губами еще плотнее. Его левая рука больше не сжимала волосы Хао Су, а вцепилась в одеяло, оставляя между ними лишь слой одежды. Это был невероятно волнующий опыт, рушивший все его многолетние принципы.

— М-м... — Фань Цин зажмурился, его рука скользила по широкому рукаву Хао Су, не решаясь на большее. Он целовал его, чувствуя каждое движение, и от собственных усилий голова его начала кружиться. Движения стали медленнее, но, как и прежде, они не оставались неизменными.

Фань Цин когда-то читал в книгах о жестокой пытке, называемой сдавливанием пальцев. Пальцы зажимали между дощечками и стягивали их — боль была невыносимой, человек молил о смерти, но не мог умереть. Сейчас он чувствовал, что сам находится под таким прессом. Жертва пытки не могла вымолвить ни слова, и Фань Цин тоже лишился дара речи, его позвоночник в этот момент казался пугающе хрупким и прекрасным. Он крепко сжал руку Хао Су, не прекращая поцелуев.

Аромат кружил голову, окутывая их плотным кольцом. В глазах Фань Цина от физического напряжения выступили слезы, а губы Хао Су были расцелованы до невероятной красноты. Он свернулся калачиком, словно пытаясь спрятаться в теле Хао Су, но через мгновение обессиленно замер.

— Ха... — дыхание было совсем рядом. Фань Цин, подобно рыбе, выброшенной на берег, уткнулся лицом в плечо Хао Су. Он даже забыл, как дышать носом, лишь судорожно открывал рот. Его грудь при каждом вдохе едва касалась Хао Су. Фань Цин знал, что сейчас он наверняка весь покраснел. При такой неистовости, возможно, кожа даже была стерта о ткань одежды. Но это не имело значения. Ему это нравилось.

Когда зрение немного прояснилось, Фань Цин поднял голову и принялся слизывать слезы с лица Хао Су. Затем он медленно приник к его груди, а рука, лежавшая на шее, скользнула вниз, к плечу, и осторожно перехватила ладонь Хао Су, больше не смея ни на что давить.

В комнате воцарилась тишина. Фань Цин слушал биение сердца Хао Су. Прошло немало времени, прежде чем он разжал зубы и едва слышно прошептал его имя:

— Хао... Су...

Голос был настолько охрипшим, что казался чужим. Он впервые произнес это имя, и оно прозвучало горько и неумело, а страсть в его душе лишь разгоралась. Сверху казалось, что белоснежные одежды бессмертного господина почти полностью укрывают Повелителя

демонов, но эта ткань была столь тонкой, что, казалось, ее можно разорвать одним движением, обнажив еще больше соблазна. Рука, которую он сжимал, даже в состоянии глубокого сна, была наполнена силой. В этом сплетении пальцев было трудно понять, кто же из них на самом деле ведет игру.

— Хао Су, — снова позвал он, испытывая легкое удовлетворение, но его тело было словно бездонная яма. Этот поцелуй, даже вместе со всеми этими безумствами, был лишь опавшей листвой на поверхности. Стоило получить желаемое однажды, как просыпался голод, еще более страшный и ненасытный.

Даже будучи охваченным желанием, бессмертный господин оставался возвышенным и холодным. Но чем сильнее был этот контраст, тем прекраснее казалось его падение.

— Ха... Су. — Влажные ресницы дрогнули. Фань Цин смотрел на губы Хао Су, покрасневшие от его поцелуев, и дыхание снова сбилось. Он склонился к самому уху Хао Су и прошептал слова, от стыда за которые не мог открыть глаз:

— Я так хочу тебя.

Эти слова потребовали от него всего мужества, и, сказав их, он больше не проронил ни звука. Несмотря на признание, Фань Цин не был готов зайти дальше. Сегодняшней ночи было уже слишком много, если он продолжит, его разоблачат. Да и сил у него больше не осталось. В телосложении котла был один изъян: как бы силен ни был адепт, его тело служило лишь одной цели. Инициатива полностью принадлежала другой стороне, и как бы он ни старался, надолго его не хватало.

Он еще раз коснулся губ Хао Су, пытаясь стереть следы своего пребывания. Одежда была приведена в порядок, следы слез на шее исчезли, одеяло снова укрыло их, а пьянящий аромат начал рассеиваться. Убедившись, что Хао Су, проснувшись, ничего не заподозрит, Фань Цин поцеловал его в область сердца через ткань одеяла и исчез.

Вернувшись в свою комнату, бессмертный господин без сил рухнул на кушетку. Когда он попытался применить технику очищения, пальцы едва слушались его. Едва очистив одежду, Фань Цин достал фарфоровый флакон. Он распахнул ворот, набрал немного мази, чтобы смазать ноющее место, но стоило лишь коснуться кожи, как флакон выскользнул из рук. Он был настолько изможден, что не мог даже позаботиться о себе, а правая рука снова начала гореть огнем.

Мазь так и не пригодилась. Фань Цин завязал одежду, всю ночь напролет читал заклинание очищения сердца, но в конце концов все его мысли сводились лишь к имени Хао Су. В отчаянии он еще раз применил технику очищения.

Тем временем в комнате, которую покинул Фань Цин, царила тишина, нарушаемая лишь коротким, почти укоризненным шепотом:

— Щенок.

Только снаружи все прибрал, а внутри — забыл. Хао Су сел, кончиком языка коснувшись неба. Фань Цин в конце приложил немало усилий, если бы он пустил в ход зубы, язык был бы прокушен. Хао Су протянул руку, собирая остатки аромата в воздухе. Его взгляд, пронзая двери и стены, был устремлен туда, где находился Фань Цин.

Во второй половине ночи Хао Су покинул свою комнату. Подобно тому, как Фань Цин мог беспрепятственно входить к нему, так и Хао Су мог наведаться к Фань Цину. Разница была лишь в том, что Фань Цин мог входить, потому что был пропитан ароматом Хао Су, а Фань Цин, ставя магический барьер, инстинктивно исключил из него Хао Су.

Фань Цин, измученный за ночь и многократно прочитавший заклинание, спал беспокойно, его брови были слегка сдвинуты. Хао Су щелкнул пальцами, чтобы тот не проснулся в ближайшее время, и, не наклоняясь, откинул ворот его одежды. Взгляд скользнул по поврежденному месту, и стоило ему коснуться кожи, как Фань Цин тихо застонал во сне. Хао Су направил поток духовной силы, облегчая страдания адепта. Впрочем, внешне это было незаметно, состояние оставалось прежним. Закончив, Хао Су вернулся в свою комнату.

Некоторые вещи, подобно телу Фань Цина, стоило лишь однажды открыть — и их уже невозможно было сдержать. Днем они были двумя сторонами, разделенными пропастью, но ночью их дерзость росла с каждым днем. Фань Цин целовал губы, уши, руки, шею Хао Су. Он осквернил все места, до которых мог дотянуться.

По мере приближения к горе Вэйи мысли, затаившиеся в глубине души, стали неуправляемыми. Даже днем Фань Цин бросал на Хао Су красноречивые взгляды. Хао Су уже не раз ловил его на этом. Фань Цин был подобен улитке, осторожно высывающей рожки, и смысл в его глазах становился все более явным.

День, когда все окончательно раскрылось, настал, когда они попали в беду у подножия города Сюньлин. Сюньлин, хоть и назывался городом, был огромен, с крутыми, опасными склонами, кишачими демоническими зверями. К тому же там, где появлялось чудесное сокровище, всегда возникали суровые испытания. Едва они вошли в эту зону, их окутал густой белый туман. В этой суматохе Хао Су почувствовал, как чья-то рука крепко схватила его.

— Иди за мной.

Прохладное дыхание Фань Цина коснулось его кожи. Туман скрывал все вокруг, но Хао Су отчетливо видел лицо своего спутника. Глаза, полные страсти, покрасневшая кожа, изящные черты — прекраснее этого существа не было на свете. Когда зрение ограничено, слух обостряется, и Хао Су прошептал:

— Это ты.

Он узнал в Фань Цине того, кто в тот день завязал ему глаза, увел из горячего источника и обладал телом котла.

<http://bllate.org/book/21608/2228652>